

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-761-770

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Мотив «покоя» в творчестве Б. Пастернака и М. Булгакова

Фэй Ли⁽¹⁾, М.С. Руденко⁽²⁾

⁽¹⁾ *Нанькайский университет,
КНР, 300071, Тянь Цзинь, Нанькайский район, Вэй Цзинь, 94,*

⁽²⁾ *МГУ имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 51,*

✉ liza_rudenko_1996@mail.ru

Аннотация. Концепция «покой» вошла из Библии в русскую культуру и стала ее важной духовной традицией. С развитием светской литературы «покой» постепенно выходит из божественной области и становится смыслом богатой эстетической концепции. В своих произведениях Пастернак и Булгаков размышляют о «покое» в сфере бытия и искусства, в частности, в онтологической ценности дома и любви, в размышлении об истории и смерти и творчестве. Важное место в художественном мире обоих писателей занимает концепция памяти. Книги Булгакова и Пастернака являются свидетельствами о возрождении и вечной жизни, это был способ их участия в Божественном Промысле. В статье анализируются место и роль мотива покоя в романах Б. Пастернака «Доктор Живаго» и М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в их сходстве и различии. В этой связи сопоставляются образы дома, музыки, творчества как средоточия мира художника, рассматриваются типологически близкие фигуры возлюбленной-музы и спасительницы, отмечается специфика раскрытия в романах темы бессмертия в творчестве.

Ключевые слова: Пастернак, Булгаков, покой, «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита», дом, музыка, творчество

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию — 8 июля 2021 г.; дата принятия к печати — 20 августа 2021 г.

Для цитирования: Ли Ф., Руденко М.С. Мотив «покоя» в творчестве Б. Пастернака и М. Булгакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4. С. 761–770. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-761-770

The Motive of Peace in the Works of B. Pasternak and M. Bulgakov

Fei Li⁽¹⁾, Maria S. Rudenko⁽²⁾

⁽¹⁾ Hankai University,
Weijin Rd, 94, Тяньцзинь, 300071, China

⁽²⁾ Lomonosov Moscow State University,
1 Lenin Mountains, bldg 51, Moscow, 119991, Russian Federation

 liza_rudenko_1996@mail.ru

Abstract. The concept of “peace” entered into Russian culture from the Bible and became its important spiritual tradition. With the development of secular literature, “peace” has gradually come out of the sacred field and become the significant aesthetic concept rich in connotation. In their works, Pasternak and Bulgakov reflect on the “peace” in the field of existence and art, especially the ontological value of family and love, thoughts about history, death and creativity. The concept of memory plays an important role in the artistic world of the two writers. Bulgakov’s and Pasternak’s books are testimony to rebirth and immortality, which is the way they participate in the sacred cause. The paper analyzes the place and role of the motive of peace in the novels of B. Pasternak *Doctor Zhivago* and M. Bulgakov *The Master and Margarita* in their similarities and differences. In this regard, the images of the house, music, creativity as the focus of the artist’s world are compared, the typological related figures of the beloved muse and the savior are considered, the specificity of the disclosure of the theme of immortality in creativity is noted.

Keywords: Pasternak, Bulgakov, peace, *Doctor Zhivago*, *The Master and Margarita*, house, music, creation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: July 8, 2021; accepted: August 20, 2021.

For citation: Li, F., & Rudenko, M.S. (2021). The motive of peace in the works of B. Pasternak and M. Bulgakov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(4), 761–770. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-761-770

Введение

В современном российском литературоведении тема «Пастернак и Булгаков» поднималась неоднократно. Очевидным материалом для сопоставления становились «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита». Одним из самых глубоких размышлений на эту тему, по нашему мнению, остаётся статья М.О. Чудаковой «Пастернак и Булгаков. Рождение двух литературных циклов» (Литературное обозрение, 1991. № 5). В своей статье «Булгаков и Пастернак. Точность тайн» другой автор, Н.Б. Иванова, в частности, отмечает: «Сам замысел романа „Доктор Живаго“ и его реализация были своего

рода ответом на роман „Мастер и Маргарита“... в Юрии Андреевиче Живаго сливаются — в сравнении с „Мастером и Маргаритой“ — два персонажа: Христос и Мастер» [3. С. 315–316]. По удивительному совпадению герой романа Пастернака Юрий Живаго и Михаил Булгаков имеют немало общего: оба — «писатели от Бога» и врачи по образованию, они призваны на службу в госпиталь во время Первой мировой (или гражданской) войны; после смены режима в стране решают остаться на Родине и в конце концов умирают в изнеможении — потому произведения обоих авторов отмечены трагизмом. Трагический герой, по мысли Г. Гегеля, «верен своему нравственному принципу» [9. С. 82], ядро которого составляет стремление к покою. Покой является важной духовной традицией русской культуры, он был определен в религиозных текстах, связан с содержанием Книги Бытия, закреплен в Ветхом Завете, а затем укоренился в русской светской словесности. Именно обращение к мотиву покоя в двух романах в его онтологическом, мистическом и, наконец, «земном» аспектах видится нам новым поворотом в, казалось бы, хорошо изученном материале. Нашей задачей было рассмотреть мотив покоя на некотором новом уровне, критически сопоставляя ортодоксально-православные литературоведческие трактовки «покоя» в его практически-религиозном значении (в работах М. Дунаева, дьякона Андрея Кураева, А. Зеркалова, Т. Поздняевой и т.д.) и «светские», сугубо научные мнения крупнейших современных булгаковедов (Е. Яблокова, М. Чудаковой, Л. Яновской, Б. Соколова, М. Голубкова и многих других).

В статье «„Покой“ в религиозно-философских и художественных контекстах» В. Котельников выявил религиозно-онтологическое и художественное осмысление категории покоя в русской культуре. Покой воспринимается и «как завершение миротворения», и как «субботный» покой, и как «акт творчества в духе». Покой трактуется и как наличие высшего Божественного замысла о мире и человеке и его воплощение в примирении Бога и человека в акте творческой синергии. В светской литературе XVIII века разрабатываются «те значения слова, которые относятся к телесно-душевной жизни человека, к природному и общественному миру» [4. С. 7], и категория покоя переживает «процесс обмирщения и деонтологизации». Под пером поэта Г. Державина покой даруется разумом: *«Жизнь есть небес мгновенный дар; / Устрой её себе к покою / И с чистою твоей душою / Благословляй судеб удар»* («На смерть князя Мещерского», 1779); иногда покой воспевается эпикурейцем вместе с любовью и весельем: *«Пой любовью, покой, приятство: / Будешь красотой любим»* («Дар», 1797). В. Жуковский рассматривает покой как самосозерцание и связывает его со спокойствием, счастьем и грустью об ушедших душах: *«В сих мрачных келиях обители святой, / Где вечно царствует задумчивый покой, / ... Что сердце мирных весталки возмutilo?»* («Послание Элоизы к Абельяру», 1806); *«Конец всему — души покой. / Конец желаньям, конец воспоминаньям. / Конец борению и с жизнью, и с собой...»* («К Филалету», 1808–1809). В этом контексте следует вспомнить и эпиграф к булгаковскому «Бегу»: *«Бессмертье — тихий, светлый брег; / Наш путь — к*

нему стремление: / Покойся, кто свой кончил бег...» («Певец во стане русских воинов», 1812).

В русской литературе XIX века концепция покоя приобрела более умозрительное выражение и толкование. А. Пушкин придал слову оптимистическое звучание: покой представляет беззаботную деревенскую жизнь после донжуанства и распущенности в Петербурге: *«Мой идеал теперь — хозяйка, / Мои желания — покой, / Да щей горшок, да сам большой»*. У М. Лермонтова роковое понимание покоя: *«И осужден страдать я долго в нём, / И в нём лишь буду я спокоен»* («Мой дом», 1830–1831). В созданном Богом мире поэт видит свою судьбу, которая неизбежно несет страдания, и ясно осознает, что только в страданиях можно найти покой. По Гончарову, красота содержится «в глубоком ровном дыхании, исполненном чистоты и покоя» [5. С. 117]. Как важная часть философско-эстетической идеи писателя, покой воспринимается в романе «Обломов» как процесс диалектический, сопровождаемый негативным и одновременно позитивным осмыслением образа Обломова. Этот момент подробно разъяснен М. Пришвиным: «Никакая „положительная“ деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское „неделание“. Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою» [7. С. 233–234].

Со временем отношение русских писателей к понятию поменялось. В начале XX века, когда назревали революционные события, А. Блок уверенно прощается с покоем и призывает к бою. Страсть к сражениям была темой его времени: *«И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль... / <...> / Покоя нет! Степная кобылица / Несется вскачь!»* («На поле Куликовом», 1908). К 30–40-м годам XX века, в период творчества Булгакова и Пастернака, их принятие «покоя» уже полностью усвоено как насущная потребность и неявное выражение индивидуальной психологии. Уникальный опыт эмоционального комплекса «дом», а также необычная художественная концепция писателей основаны на «покое» как на духовном ядре. Оба писателя своим романом интерпретируют и расширяют идейную силу и творческое измерение «покоя».

Мотив «покоя» в творчестве Б. Пастернака и М. Булгакова

Внешнее построение и эмоциональное наполнение дома составляют умиротворяющую часть жизненного опыта. В «Докторе Живаго» дом главного героя имеет две географические координаты — дом братьев Громеко в Сивцевом Вражке в мирное время и уральское поместье дедушки Крюгера, Варыкино, в годы гражданской войны. С домом Громеко, где выросли Жи-

ваго и Тоня, связана прежняя налаженная жизнь, беззаботность, «поэзия, сердечность и чистота». Всегда сохраняется теплый семейный колорит фиштакшского и оливкового тонов в памяти Живаго. По мысли И.П. Смирнова, «Живаго не исключается Пастернаком из общего утопизма эпохи не только в главах о Февральской революции, но и тогда, когда речь в романе заходит о большевистском периоде» [8. С. 102].

Переезд из голодной революционной Москвы на Урал — наивная попытка найти уничтоженный революцией покой в овеванном сентиментальными воспоминаниями далеком уголке «земли обетованной», типологически схожая со знаменитым одиннадцатидневным путешествием Лариосика из Житомира в Киев в надежде обрести Дом и покой измученному сердцу в самом пекле Гражданской войны. Обратим внимание, что в обоих случаях тепло Дома контрастирует с мотивом разрушенного семейного гнезда (Елена и Тоня — брошенные жены, чего не могло бы случиться при ровном, мирном течении событий). Так что знаменитая реплика Мышлаевского о покое, невозможном при ошибке в карточной игре, звучит не только комически, но и носит пророческий характер.

Отсутствие покоя — следствие коренной ошибки мирового масштаба, которую на земле уже не изменить и не исправить. Вся деятельность Живаго в Варыкино до роковой встречи с Ларой — именно попытка исправить ошибку бытия слабыми человеческими силами: в этой почти идиллической обстановке Живаго находит счастье в экзистенциальном смысле. В его заметках прекрасен труд, прекрасны весна и природа. Но этот идиллический покой призрчен: без помощи Самдевятова и покровительства Микулицына семья бы не выжила; незаконная страсть Лары и Юрия омрачает будущее материнство Тони, а «развязка» — насильственная мобилизация Живаго в партизанский отряд Ливерия — лишь завязывает и запутывает и без того безнадежную ситуацию, ставя окончательный крест на иллюзии покоя. После побега Юрия из партизанского лагеря и периода недолгого счастья в Юрятине, ввиду опасности ареста, Юрий и Лара делают заведомо обреченную попытку очередного обретения успокоения в том же Варыкино, но теперь они живут в доме Микулицына, где обнаруживают явные следы чужого присутствия. Но даже минута «ворованного» покоя дарует поэтический взлёт. Герой обнаруживает кабинет, который становится для него местом творчества: «В нем было широкое цельного стекла окно во всю стену, возвышавшееся над оврагом. Из окна... открывался вид на далекое заовражье и равнину... У окна стоял широкий, также во всю стену, стол проектировщика или чертежника». Этот большой письменный стол властно побуждал Живаго к писательству и стал свидетелем его напряженного мышления, творческого вдохновения и диалога с самим собой. Живаго наблюдал за занятой Ларой, ее хлопотами по хозяйству, испытывая ощущение счастья и гармонии. Это время и стало для них последним оплотом мира и спокойствия: после того как Лара была обманом увезена Комаровским, Живаго фактически потерял свой дом и саму ценность жизни.

Варькино — это утопия Живаго, где он может защитить себя от угрозы войны и политики, спокойно наслаждаться семейной заботой и творческой свободой. Для Мастера, героя Булгакова, дом также является единственным гнездом, где возможны тишина, уход от суеты и наслаждение творчеством. Дом — и свидетель «беззаконной», свободной от условностей любви между Мастером с Маргаритой. Эти две комнаты в подвале на Арбате стали и единственным воспоминанием героя, когда он сидел в сумасшедшем доме. Письменный стол и лампа на нем для Мастера, так же как и для Живаго, — необходимая часть жизни пишущего человека и важная часть мироздания. Тема «подвала» Мастера поднимается в работах современных ученых, в том числе в монографиях Е. Яблокова «Художественный мир Михаила Булгакова» и «Подвал Мастера».

Романтические пристанища обоих героев и их возлюбленных в стороне от «большой жизни» оказываются равно уязвимыми в ситуации исторических потрясений и тоталитарного режима. Исчезновение дома отняло у них любовь и силы жить: Живаго раньше времени уходит от сердечного приступа, Лара погибает в лагере, а воссоединение и освобождение булгаковских героев происходит в пространстве мистики, тогда как в «реальности» и Мастер, и Маргарита умирают.

Любовь героев показывается в широком историческом контексте под мраком трагизма времени. Причина, по которой место жительства стало домом, заключается в силе любви, делавшей место безопасным и гармоничным пространством.

1930-е годы и для Пастернака, и для Булгакова — время поиска тайной свободы, внутреннего творческого покоя как формы духовного противостояния тирании. Понятие «творческий покой» было перенесено в русское сознание из Книги Бытия. Это благословение и выделение седьмого дня, как дня благодарственно-радостного покоя, посвященного воспоминанию творения и прославления Творца, имело значение только для разумно-одаренных существ, т. е. людей, которые, вероятно, с этого времени начали соблюдение субботы, в подражание творческому покою Бога. («Толковая Библия Лопухина» Быт. 2:3). Архимандрит Феодор сделал уникальное богословско-философское толкование этой концепции: «И человек, по своей богочеловеческой природе, прямо причастен к творческому покою Бога, причем причастен двояко: «покой жизни вечной» может осенить человека по благодати, но и сам человек должен собственным духовно-творческим деланием «упрочить за собою» еще на земле со-участие в божественном покое» [4. С. 5]. Когда настают тяжкие времена и жизнь человека не может быть урегулирована в силу катастрофических обстоятельств, Пастернак и Булгаков и их главные герои невольно обращаются к «творческому покою», чтобы обрести связь искусства индивидуальности с Богом, искать духовный диалог и духовное спокойствие. «Входя в царство покоя Божия, человек входит в царство свободы» [4. С. 6]. Сочетание покоя и свободы является важным религиозно-метафизическим принципом в русской культуре. Поэтому в мыслях Пастер-

нака и Булгакова покой и дух свободы сплетаются друг с другом. В романе Пастернака дом, покой и литературное творчество неразделимы. Для Мастера дом также единственное место, где он смог отложить все дела, забыть о суете и сосредоточиться на романе о Пилате. Этот период счастливого и покойного литературного труда Мастер назовет «золотым веком».

Искусство (включая литературу и музыку) занимает важное место в жизни Пастернака и Булгакова. Можно сказать, что музыка повлияла на них не меньше, чем литература. Как известно, музыка была важной частью жизни Пастернака. Мать писателя была пианисткой, и он с детства привык к звучанию рояля дома, еще в школе серьезно изучал теорию композиции, и в 1903 году встретил Скрябина и самозабвенно увлекся его творчеством. Гениальная восприимчивость помогает ему проникнуть в мир композитора: «...трагическая сила сочиняемого торжественно показывала язык всему одряхлело признанному и величественно тупому и была смела до сумасшествия, до мальчишества, шаловливо стихийная и свободная, как падший ангел» [б. с. 303]. Художественный стиль и темперамент Скрябина оказали значительное влияние на творчество Пастернака. Даже в мемуарах, размышляя об истинном значении искусства и правды, он снова возвращается к Скрябину. Хотя впоследствии поэт отказался от музыки как рода деятельности и выбрал философию, наработанная музыкальная интуиция и вкус остались при нем. Его поэзия наполнена красотой музыки, он относит музыку к категориям философии и придает ей силу жизни и искупления. Такая сила проявляется и в романе «Доктор Живаго».

О роли музыки в творчестве Пастернака рассуждает Б. Гаспаров в своей ставшей классической статье «Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака „Доктор Живаго“» и монографии «Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт.)». Как известно, музыка лежит в основе философских размышлений Живаго, навеянных Николаем Веденяпиным, — для него музыка обладает огромной силой и способствует развитию цивилизации: «...человека столетиями поднимала над животным и уносила ввысь не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины, притягательность её примера».

Музыка также связана с самым радостным и беззаботным временем в жизни Булгакова. По словам его сестры Надежды, дом Булгаковых был полон шума, смеха и музыки, каждый член семьи может играть на музыкальном инструменте или поет в хоре. Как известно, Булгаков любил оперу настолько, что брал в юности уроки пения, всерьез задумываясь о карьере оперного певца. «Аида», «Кармен», «Гугеноты», «Севильский цирюльник», «Руслан и Людмила»... И конечно же, «Фауст» с его «На земле весь род людской...» и арией Валентина. О тесной связи творчества Булгакова с музыкой свидетельствуют и воспоминания Татьяны Лаппа, и «Дневник» Елены Сергеевны. Но и без этих записей очевидно, насколько широко использует Булгаков, особенно в «Мастере и Маргарите» с его сложной симфонической структурой, оперные техники.

Пристрастие Живаго и Мастера к искусству, а именно их практика «творческого покоя», — это попытка поговорить с Богом и войти в мир Божий. Как художники, они думают о сущности искусства и объединяют искусство с такими понятиями, как смерть и история. Мысль Живаго об истории унаследована от дяди Веденяпина: как вторая вселенная, история воздвигается человеком в ответ на неизбежность смерти с помощью категорий времени и памяти. Эти слова прояснили эстетическую логику Пастернака. Память и искусство неразрывно связаны. Уже не разделены память и искусство с момента рождения музой Мнемозиной в древнегреческой мифологии. Блаженный Августин также чувствовал великую силу памяти. Живаго уделяет больше внимания функции памяти, потому что память — это основа противостояния эрозии времени и способ отказаться от смерти. В ответ на смерть Живаго написал историю свою и окружающих. Эта мысль перекликается с идеей Булгакова о том, что «рукописи не горят». А прощение мастер получил, положившись на искусство. Пилат приказал казнить Иешуа из трусости и мучился потом почти две тысячи лет. Мастер не мог войти в царство света из-за своего малодушия и слабости, но в конце обрел покой в связи со своим романом.

Как мы уже отмечали, тема покоя волнует Булгакова на протяжении всего творческого пути. Уже в раннем очерке «Киев-город» возникает образ города, смертельно уставшего от революционного лихолетья. Дивной красоты город испытывает покой сродни загробному отдыху. О том же загробном существовании идет речь в разговоре Левия Матвея и Воланда на крыше Пашкова дома в Великую Субботу. Это время, когда Сам Христос находится в гробу и земля вместе с Богом замерла в ожидании Воскресения. В отношении судьбы Мастера возникает некая странность: ведь в чине православной панихиды есть прошение о «во блаженном Успении вечном покое» для усопшего. Вечный покой — такая же формула потустороннего блаженства, как и «свет». Но очевидна разница в, так сказать, «степенях» блаженства. Судя по описанию вечного пристанища, данного Маргаритой, находящийся за ручьем и мостиком через него (образ из сна Татьяны!) дом скорее похож на Чистилище. Он равно далёк и от Воланда, и от Иешуа, именно в свет (рай) забирающего Пилата. Об этом свидетельствует лунный луч, по которому идут герои, и это закономерно: именно к Иешуа две тысячи лет стремится Пилат, тогда как Мастер не разделяет порыва своего героя. Вспомним: Мастер пишет роман именно о Понтии Пилате, не сильно вникая в глубину Га-Ноцри. Это следует хотя бы из предельно краткого сообщения о проповеди и деяниях этого героя. И если на том свете человек действительно получает именно то, к чему стремился больше всего в жизни, то понятно, почему Пилат получает свет, а Мастер — покой, дом, возлюбленную, цветущий вишневым садом. Казалось бы, чем не рай?

Однако подлинный рай (свет) — это бесконечность познания и развития, которое и ждет Пилата в общении с Иешуа. Мир же Мастера ограничен людьми — Маргаритой, друзьями, старым слугой. Рано или поздно он будет

исчерпан, человеческий потенциал закончится, а продолжения рода на том свете быть не может. По мнению Е. Яблокова, «„беззвучие“ это... и знак пустоты... покой оказывается амбивалентной наградой — наказанием» [11. С. 269]. Как считает М. Чудакова, «последнее убежище Мастера и Маргариты имеет своим литературным прообразом последние страницы „Божественной комедии“ Данте — место, где описывается Лимб, для которого не сделано выбора между раем и адом» [10. С. 228]. А вот, по мнению дьякона Андрея Кураева, к которому с той или иной степенью активности присоединяются вышеперечисленные нами адепты «ортодоксального литературоведения», Мастер «...и по смерти остаётся в области Воланда... в Вечности Мастер зависим от Воланда и его даров» [2].

Таким образом, «покой» — в лучшем случае место отдыха от усталости, но не творческого развития, нуждающегося в вечно обновляющемся источнике, Боге, Которого в мире «покоя» нет. Так ещё раз подтверждается истина о глубоком, интуитивном понимании Булгаковым духа и законов христианства.

Заключение

Итак, несмотря на то, что, по мысли Н. Ивановой, «Мастер в „Мастере и Маргарите“ ничего общего с Пастернаком не имеет» [3. С. 313], ибо Пастернак входил в номенклатуру, а ни Булгаков, ни его герой не могли и мечтать ни о квартире в Доме Литератора на Лаврушинском, столь ненавистном Маргарите, ни о Перельгине-Переделкине, ни о других прекрасных и соблазнительных вещах, доступных творцу «Доктора Живаго», мы обнаружили множество пересечений в романах выдающихся писателей XX века, общность представления их о счастье творчества и покое. «Покой» в обоих произведениях оказывается очевидно связанным с мистикой, но если Булгаков определяет место покоя творческой личности не на земле и вряд ли в раю, то Пастернак ищет для своего героя «земного рая», хотя тотальная невозможность обрести покой в конкретной исторической обстановке России после революции приводит его к идеализации жизни до переворота и к упованию на земную вечность высокого, в основе своей христианского творчества.

Библиографический список

- [1] Ван Чжигэн. Мысли о юродстве — культурная интерпретация русской литературной классики. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013. 430 с. [王志耕, 《圣愚之维: 俄罗斯文学经典的一种文化阐释》, 北京: 北京大学出版社, 2013年。]
- [2] Дьякон Андрей Кураев. Мастер и Маргарита — за Христа или против? «Он заслужил покой». URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/kuraev-za-hrista-ili-protist/on-zasluzhil-pokoi.htm>
- [3] Иванова Н.Б. Булгаков и Пастернак. Точность тайн // М.А. Булгаков. Pro et contra. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2019. 991 с.

- [4] Котельников В.А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 3–41.
- [5] Лоциц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1986. 367 с.
- [6] Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. III: Проза. М.: Слово/SLOVO, 2004. 632 с.
- [7] Пришвин М.М. Незабудки. М.: Художественная литература, 1969. 303 с.
- [8] Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: НЛО, 1996. 205 с.
- [9] Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
- [10] Чудакова М.О. «И книги, книги...» // Они питали мою музу: Книги в жизни и творчестве писателей. М.: Книга, 1986. 255 с.
- [11] Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 420 с.

References

- [1] Wang, Zhigen. (2013). *Thoughts on foolishness — a cultural interpretation of Russian literary classics*. Beijing: Peking University Press. [王志耕, 《圣愚之维: 俄罗斯文学经典的一种文化阐释》, 北京: 北京大学出版社, 2013年。]
- [2] Deacon Andrey Kuraev. *The Master and Margarita — for Christ or against? “He deserves peace”*. Retrieved September 12, 2021, from <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/kuraev-za-hrista-ili-protist/on-zasluzhil-pokoi.htm>. (In Russ.)
- [3] Ivanova, N.B. (2019). Bulgakov and Pasternak. Accuracy of secrets. In M.A. Bulgakov, *Pro et contra*. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academic. (In Russ.)
- [4] Kotelnikov, V.A. (1994). “Peace” in religious-philosophical and artistic contexts. In *Russian literature*, (1), 3–41. (In Russ.)
- [5] Loshchits, Yu.M. (1986). *Goncharov*. Moscow: Young Guard. (In Russ.)
- [6] Pasternak, B.L. (2004). *Complete Work. Vol. III. Prose*. Moscow: SLOVO, 2004.
- [7] Prishvin, M.M. (1969). *Forget-me-nots*. Moscow: Fiction. (In Russ.)
- [8] Smirnov, I.P. (1996). *Novel of secrets “Doctor Zhivago”*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- [9] Halizev, V.E. (2004). *Literature Theory*. Moscow: Higher School. (In Russ.)
- [10] Chudakova, M.O. (1986). “And books, books ...” In *They fed my muse: Books in the life and work of writers*. Moscow: Book. (In Russ.)
- [11] Yablokov, E.A. (2001). *Artistic world of Mikhail Bulgakov*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ли Фэй, докторант института иностранных языков Нанькайского университета, КНР. ORCID: 0000-0002-4788-5294; e-mail: LIFEI2017@yandex.ru

Руденко Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru

Bio note:

Fei Li, doctoral student, Hankai University, College of Foreign Languages, China. ORCID: 0000-0002-4788-5294; e-mail: LIFEI2017@yandex.ru

Maria S. Rudenko, Senior Teacher, Ph.D. Candidate of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru